

Трансатлантизм и БРИКС: перспективы стратегического сосуществования

Е.Р. Воронин

В статье анализируются возможности выстраивания долговременных отношений между западными межправительственными организациями, прежде всего НАТО и Евросоюзом, и БРИКС, рассматриваются перспективы стратегического сосуществования между ними. Учитывая приверженность стран БРИКС нормам и принципам международного права, автор считает, что центральное место в повестке дня их отношений с США и Западом в целом может занять задача расширения договорно-правовой основы взаимоотношений между ними, дальнейшее развитие практики решения международных проблем исключительно на правовой основе.

Мodus vivendi в современном состоянии отсутствия формальных отношений между НАТО и Евросоюзом, как трансатлантическим и европейским явлениями, составляющими в совокупном виде интегрированный Запад, с одной стороны, и БРИКС, в статусе глобального сообщества на стадии институционализации, с другой, остается неопределенным и непредсказуемым. Сложившееся положение не содержит ныне перспективы взаимодействия или тем более партнерства. Взаимное умолчание и дипломатическая меланхолия с обеих сторон сохраняется. Ни Запад, ни БРИКС баланс последствий такой ситуации не просчитывается. Их наблюдения за действиями друг друга объяснимы, тем более обоюдные впечатления уже сформированы, отношения на межгосударственном уровне, за отдельными исключениями, стабильны. Интеграционная идеология (атлантизм Запада, коалиционный глобализм БРИКС) учитывается, но определяющего влияния на двустороннее политическое взаимодействие и реальное экономическое партнерство не оказывает.

Позиция интегрированного Запада в отношении БРИКС- сообщества в роли новой, нарождающейся глобальной структуры не сводится

к привычному прагматическому картезианскому выжиданию. Полагать, что незавершенность институционального процесса БРИКС дает трансатлантистам в лице США и НАТО преимущества в зреющей конкуренции, особенно в деле международной безопасности, судя по динамике развития событий, преждевременно.

Линия трансатлантического сообщества на утверждение исключительного характера и центральную роль НАТО в обеспечении международной безопасности и урегулировании региональных конфликтов, согласно Лиссабонской стратегической концепции и решениям Чикагского саммита альянса, остается неизменной. Это относится прежде всего к спонсированию ситуаций «независимости косовского формата» или последним пароксизмам западной «маниакальной демократизации» в ливийском и сирийском случаях. Метод «фиктивных национальных самоопределений», по чичеринскому выражению¹, будет, видимо, задействоваться атлантистами и впредь. Противодействия этому не просматривается. Существующая международно-правовая нормативная система не способна противостоять неправым решениям Запада.

Воронин Евгений Ростиславович – в.н.с. Центра евро-атлантической безопасности ИМИ МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Международные отношения

Атлантическое военно-стратегическое мышление не допускает полицентрического, конкурентного подхода в обеспечении миропорядка, оставляя потенциальных «соперников» *am Katsentisch*, то есть за унизительным «кошкиным столом», без шансов на равноправное взаимодействие.

Линейная политика защиты западных интересов сохранит глобальный характер и будет опираться на реализацию мирового лидерства США, их военно-технологический потенциал. Согласно «программному» заявлению генсекретаря НАТО А. Фог Расмуссена в лондонском Chatham House в июле 2012 г., «трансатлантическое сообщество станет основным носителем безопасности в XXI в.». Для оборонительного партнерства Запада «нет периферии», интересы безопасности неделимы, они требуют вовлечения в Европе, по периметру евроатлантического пространства и по всему миру². Адаптация западных механизмов к меняющейся стратегической картографии поставлена во главу угла.

В «откровениях» в Chatham House А. Фог Расмуссена современный мир расценивается как «непредсказуемо расширяющийся вследствие глубоких перемен». «Мы являемся свидетелями появления новых держав... в экономическом, политическом и военном отношениях»³. Новая стратегия США в АТР отвечает интересам всего трансатлантического альянса и поддерживается им, учитывая именно растущую роль в мире «восходящих держав». Эта поддержка «связана не с тем, что западные союзники видят в новых державах врагов, но потому, что основываются на «нашем опыте в Европе»⁴.

Российские эксперты, однако, обратили внимание на то, что БРИКС «чаще всего воспринимается как некий глобальный противовес «большому Западу»⁵, хотя Хайнаньский саммит подтвердил, что «сотрудничество этой группы не направлено против какой-либо третьей стороны»⁶. Запад, утверждает руководство НАТО, не может согласиться с расхожими утверждениями о «совершенном упадке». В нынешние «времена неопределенности» трансатлантическое сообщество позиционирует себя источником доверия, способным ответить на фундаментальные вопросы современной безопасности. «Послание» Запада в условиях финансового кризиса и формирования новой мировой экономической реальности однозначно: за НАТО «останутся» ключевые ответы на глобальные риски и угрозы. Приверженность двойным стандартам, присущим западному сознанию и политическому стереотипу мышления, продолжает вносить недоразумения в политические декларации и в западные медийные акции.

На Брюссельском форуме Фонда Маршалла 23 марта 2012 г. было заявлено о «необходимости для Европы усилить свою глобальную ответственность наряду с США»⁷. В ходе лондонской встречи с общественными экспертами А. Фог Расмуссен отрицал намерения Североатлантического альянса рассматривать «удаленных союзников» (Австралия, Япония, Новая Зеландия, Южная Корея) в качестве «проводников» трансатлантических интересов в

АТР. Новая трактовка подобной линии заключается ныне в том, что альянс стремится «не к глобальной ответственности, а к глобальной перспективе взаимодействия «единым концертом» с партнерами в различных частях мира»⁸. Заместитель генсекретаря НАТО А. Вершбоу назвал натовскую доктрину сотрудничества с «незападными», в частности арабскими партнерами, «золотым стандартом кооперативной безопасности»⁹. «*Tengrenage*», то есть система зубчатых колес, «двигающих» миропорядок, приписывается западному механизму, не требующему вмешательства или наладки со стороны «посторонних».

Геостратегические подходы БРИКС анализируются западными экспертами в сдержанно-осторожных или субверсивных формулах. Преобладают рассуждения, согласно которым «в глобальной проекции позиции, занимаемые странами БРИКС, являют собой полный набор рычагов собственной мощи, от искушенной дипломатии до внушительного военного потенциала, постоянно «наращиваемого динамикой экономического роста»¹⁰. Основная линия международного поведения «пятерки БРИКС» воспринимается как соблюдение «серой зоны» между конфронтацией и компромиссами с Вашингтоном и имеет целью избежать «фронтальных столкновений в сферах влияния и национальных интересов»¹¹. Вероятным последствием такого развития ожидается изменение соотношения сил в полицентрической игре в различных частях мира.

Западные прогностические выводы в отношении реального политического влияния «форума БРИКС» и растущих военных потенциалов каждого участника «пятерки» носят неоднозначный характер. Не подвергается сомнению, что их перманентный финансово-экономический рост создал устойчивые предпосылки для новой глобальной роли БРИКС и соответствующих перспектив в области региональной безопасности. Наряду с признанием их определяющего воздействия на мировую экономику в натовских анализах присутствует «установка» на мистификацию оценки БРИКС как виртуальной политической структуры. Скептическое восприятие самостоятельного влияния «коллективной структуры» на международную безопасность и регулирование региональных конфликтов распространено не только среди западных, но и среди ряда отечественных научных экспертов, утверждающих, что «там нет полноценного партнерства и о перспективах БРИКС не может быть речи»¹². Прослеживается точка зрения, что БРИКС является «фикцией, широко раскрыченной на слуху». Среди аргументов выделяется тот, что «бриксы» далеко не единодушны не только в нюансах, но и по существу своей реакции на ряд международных проблем, хотя и близки в подходах к изменению «механизмов глобального управления»¹³.

Проявляемая Западом озабоченность вокруг глобальной роли БРИКС связана во многом с «претензией на запрос» о реальной способности группы позитивно влиять на стабильность, а не выступать

источником региональных дестабилизаций. Риск «непредсказуемого развития» геополитических интересов Китая и Индии связывается с их долгосрочными программами военно-технологической модернизации. Признавая, что опасения возникновения гонки вооружений в духе времен «холодной войны» излишне преувеличены», Запад, однако, настроен настаивать на том, что суммарные военные расходы БРИКС «раскачивают» геополитическую стабильность, являющуюся условием «устойчивого развития самих этих держав»¹⁴.

Соперничество «внутри» БРИКС по мере институционализации сообщества и усиления его роли и влияния на международное развитие называется в числе реальных рисков. Вместе с тем исследования в области военных расходов БРИКС, если сравнивать с военным бюджетом США, содержат в целом сбалансированные, не вызывающие беспокойства оценки. Отмечается, что показатели военных затрат остаются довольно скромными в сравнении с экономическим и демографическим потенциалами, геополитической ролью БРИКС. Военный бюджет Китая составил в 2009 г. всего 2,2% от ВВП (в 1997 г. – 1,7%) против 4,8% бюджета Пентагона от американского ВВП. Расходы на оборону Индии и Бразилии оставались в период 1997 – 2009 гг. практически неизменными и составляли соответственно 2,8 и 1,6% от ВВП. ЮАР даже понизила уровень военных расходов с 1,6% в 1997 г. до 1,3% в 2009 г. Ненамного повышала оборонные расходы Россия – 4,3% в 2009 г. против 4,1% в 1997 г.

Новая динамика военных бюджетов и технологической модернизации вооруженных сил держав БРИКС («не считая гонку вооружений в форматах Индия–Пакистан или стремления Китая сравняться с США») анализируется в западных исследовательских центрах по четырем измерениям¹⁵:

- державы БРИКС приступили к военной модернизации и замене устаревшей техники. Закупки вооружений носят не линейный, а циклический характер, обусловленный временными фазами их эксплуатации и сроками годности. Цикличность сроков – 20 – 25 лет. Военная политика «бриксов» близка практике НАТО (натовская модернизация предусматривает замену вооружений 1980-х гг.);

- «эффект финансово-экономического превосходства БРИКС». «Пятерка» в сравнении с переживающими финансовый кризис партнерами из НАТО обладает на данном «пиковом этапе» военно-инвестиционного цикла «превосходящим резервным потенциалом». Это позволяет приобретать вооружения и оборудование наиболее высокого качества. Партнеры БРИКС становятся, за исключением России, одного из ведущих экспортеров мира, основными импортерами вооружений;

- повышение военных расходов БРИКС, считают трансатлантические аналитики, отражает не столько возрастающую угрозу с их стороны, напоминающую гонку вооружений, сколько стремление подтвердить свой статус восходящих мировых держав. В числе «престижных проектов»

рассматриваются приобретение Индией авианосца или ядерных подводных лодок Бразилией;

- модернизация ВС «бриксов» и соответствующие расходы требуют от них реальной «стратегической автономии», которая предполагает развитую оборонную индустрию. Зависимость от импорта вооружений на фоне их экономического роста становится анахронизмом. Без инвестиций в высокотехнологический военно-промышленный комплекс свобода международного поведения и решающих действий БРИКС невозможна.

«Технологическая слабость» БРИКС в сравнении с высокими технологиями самодостаточного Запада, по мнению западной аналитики, представляет существенную проблему. Это основная препона для политического и военно-технического равноправия «бриксов» с трансатлантическим сообществом. Из ведущей тройки БРИКС – Китай, Россия, Индия – последняя оказывается наиболее уязвимой. Ее статусу великой экономической державы не адекватны ни масштаб оборонного потенциала, ни уровень безопасности. Это сближает специфику «индийского фактора» с «плюсом» объединенной Европы, автономная роль которой в области безопасности (без США) не на высоте¹⁶.

В прогнозах становления БРИКС как полноценной партнерской структуры междивилизационного профиля натовская политология особо выделяет несовпадение интересов держав-участниц. Признавая формальное единство «пятерки» по основному пакету финансово-экономических вызовов и рисков, атлантисты в целом пессимистично оценивают их консолидацию в вопросах геополитического влияния. Способность «пятерки» с единых позиций содействовать в близкой перспективе преодолению кризисного состояния механизмов геостратегического регулирования оценивается по причине внутренних противоречий невысоко. В числе фундаментальных «причин неадекватности» называются цивилизационные ценности, различия политических режимов и подходов к партнерству с трансатлантическими державами.

Долговременные китайско-индийские противоречия сохраняются, перспектива их урегулирования отсутствует. «Дозированная напряженность» в отношениях двух ключевых партнеров БРИКС поддерживается не в последнюю очередь из-за «не исключаемой» в Китае возможности присоединения Индии к американской стратегии обеспечения стабильности и предотвращения конфликтов на азиатском континенте¹⁷. Опасения Пекина связаны с «гипотетической возможностью» образования «балансирующего альянса» по южному периметру китайских границ с США, играющими в нем центральную роль. В Вашингтоне и Брюсселе учитывают в своих оценках, что индийское недоверие к соседу-партнеру по БРИКС питается сохраняющимся дисбалансом их военных потенциалов и китайским фактором поддержки Пакистана.

■ Международные отношения

Широкому консенсусу «восходящей пятерки» препятствует и неприемлемость в перспективе статуса КНР в качестве ведущего партнера и новой супердержавы в мире. Препятствует шансу БРИКС «говорить одним языком» и возросшая реактивность китайской внешнеполитической стратегии. На фоне заявлений США о возвращении в Азию Пекин избрал стратегию применения асимметричного противодействия, целью которого является существенное повышение для США «цены их вовлеченности в азиатские дела»¹⁸.

Прогностические оценки «мирного сосуществования, перспектив взаимодействия и реальности взаимопонимания Трансатлантического мира и пространства БРИКС» во многом ориентированы на зависимость от будущего отношений США – Китай. Возрождение американского лидерства через поиск «полицентрических подходов» (вне рамок нагловской солидарности), способных блокировать риски конфронтации, прежде всего с новым центром силы – Китаем, могло бы явиться моделью «кооперативной безопасности». Очевидно, что подобный проект ныне вряд ли возможен. Время диктует иные рекомендации. По мнению ряда экспертов, исходящих из того, что КНР отказалась от своей 30-летней прагматичной геополитической сдержанности в пользу «великоханьского шовинизма», нынешний уровень «недружественных» отношений в формате Пекин – Вашингтон вряд ли позволит начать диалог между Западом и БРИКС. В американских аналитических материалах тема новой тихоокеанской доктрины Б. Обамы поэтому трактуется как ответ на вызовы Китая и других «восходящих держав». В этом, видимо, главная причина американского «военно-миссионерского похода» в Азию, а не какая-то каузальная атрибуция или, иными словами, «приписывание причины».

Обобщенный вывод, во многом определяющий поведение БРИКС в международных делах, сводится, по западным оценкам, к следующему. Стиль позиционирования БРИКС в современной полицентрической игре призван не доводить кризисные ситуации до вооруженных конфликтов, ограничиваясь «модуляциями, дублирующими реальные риски». Оправданность подобного стиля на Западе видят, вероятно, в том, что, рассматривая БРИКС как «мнимую величину коллективной безопасности», каждая из держав-участниц объективно является одним из «гарантов» региональной и международной стабильности. Конфронтационные инциденты по периметру китайских границ являются, как полагают в евроатлантических научных центрах, рефлексией ныне присущей Пекину «дипломатии несовершенного шарнира», являющейся следствием внутренней полемики в КНР вокруг новой мировой роли собственного могущества¹⁹. Как просчет «китайских калькуляций», объясняемый озабоченностями руководства страны из-за изменений в «партийной иерархии» и в целом внутренней «невнятности, неопределенности», подается «вера в упадок США без точки возврата»²⁰. Расчет на долгосрочное использование Китаем и партнерами по БРИКС в своих интересах глобального финансового кризиса

может оказаться, считают западноевропейцы, неоправданным.

Финансово-экономический потенциал БРИКС оценивается как неоспоримое (в отличие модальностей политического и военно-технологического конкурентного превосходства «пятерки») геополитическое преимущество. Это – несущая основа неизбежного экономического мирового доминирования формата БРИКС²¹, выстроенного на основе неприятия существующей финансово-экономической системы²². Наряду с объективными оценками в западных исследовательских выводах присутствует немало скептицизма. Проект создания «банка БРИКС» в целях финансирования программ развития представляется «весьма ненадежным». Способность «нового банка» стать конкурентом Всемирного банка (индийские займы – 42 млрд долл.) всерьез не рассматривается. Хотя президент Всемирного банка Р. Зеллик «дипломатично» приветствовал финансовый проект БРИКС как «конкурентный» и оценил его как антимонополистический²³. К разряду «несовершенств» финансово-экономической стратегии БРИКС отнесено и то, что странам-участницам все еще «не удастся добиться заключения самого обычного соглашения о свободной торговле»²⁴.

Относительно сосуществования пассионарной идеологии БРИКС и западного мышления в духе трансатлантической гегемонии можно отметить следующее. Как представляется, БРИКС в перспективе способен потенциально сыграть особую роль. Переговорный многосторонний формат БРИКС – США и НАТО мог бы явиться более эффективным механизмом, чем традиционные двусторонние переговоры. Многосторонняя переговорная площадка БРИКС – трансатлантический альянс потенциально могла бы содействовать тому, чтобы были сдвинуты с мертвой точки процессы в сфере контроля над вооружениями, возможно в плане подключения к российско-американским усилиям в сфере ограничения ядерных вооружений других обладателей подобного оружия. Учитывая приверженность БРИКС принципам и нормам международного права, центральное место в повестке дня отношений с США могли бы занять задачи расширения договорно-правовой основы взаимоотношений, дальнейшего развития практики решения международных проблем исключительно на правовых началах.

Voronin E.R. Transatlantic links and BRICS: prospects of strategic co-existence.

Summary: The article analyzes the possibilities of building long-term relations between the Western intergovernmental organizations, first of all, NATO and the European Union, and BRICS, considers the prospects for the strategic co-existence between them. Considering the commitment of the countries of the BRICS the norms and principles of international law, the author believes that the central place in the agenda of their relations with the United States and the West in general can take the task of expanding the legal framework of relations between them, the further development of the practice of the decision of the international problems solely on a legal basis.

Ключевые слова

БРИКС, НАТО, Европейский союз, США, стратегическое сосуществование, международные проблемы, правовая основа.

Keywords

BRICS, NATO, European Union, United States, strategic co-existence, international problems, legal basis.

Примечания

1. Чичерин Г.В. Статьи и речи. М., 1961. С. 64.
2. Fogh Rasmussen A. NATO – Delivering Security in the XXI Century. Chatem House, London. 04.07.2012.
3. Ibid.
4. Ibid.
5. Орлов А.А. БРИКС – новая реальность XXI века. Сборник научных трудов ИМИ МГИМО(У). М., 2012. С. 42.
6. Там же. С. 43.
7. Fogh Rasmussen A. NATO 2020 – Shared Leadership for a Shared Future. Brussel 23.03.2012.
8. Ibid.
9. Vershbow A. NATO in the New Global Security Era. NATO-Jordan Public Diplomacy Conference in Amman, Jordan. 21.06. 2012.
10. Faujas A. La fausse unite des BRICS. Le Monde, 04.04.2012.
11. Ibid.
12. Хенкин С. М. Перспективы БРИКС: точки зрения. Сборник научных докладов ИМИ МГИМО (У). М., 2012. С. 77, 79.
13. Faujas A. La fausse unite des BRICS. Le Monde, 04.04.2012.
14. Bellais R. Le rearmement des BRICS est le reflet de leur poids economique. Le Monde.Fr. ISAD. 29.02.2012.
15. Ibid.
16. Hassner P. Seule sage parmi les fous? Le Monde fr. 29.02.2012.
17. Wolf M. Does the BRICS Group Matter? Foreign Affairs. March 30, 2012.
18. Niquet V. L'attitude agressive de la Chine correspond a un sentiment d'incertitude du regime. Le Monde fr.29.02.2012.
19. Chinese Foreign Policy. The Economist. Jan 13th 2011.
20. Ibid.
21. Ibid.
22. Астахов Е.М. Перспективы БРИКС. Сборник научных трудов ИМИ МГИМО(У). М., 2012. С.72.
23. Faujas A. La fausse unite des BRICS. Le Monde. 04.04.2012.
24. Van Agtmael A. Think Again: DRICS. Foreign Policy. November 2012.